

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА/LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.67.4>

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ДОКТРИНА ПЕРВОРОДНОГО ГРЕХА И БИОМОДИФИКАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ АФРОФУТУРИЗМЕ

Научная статья

Мартirosян Г.Э.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0000-4469-1980;¹ ООО «Чинт Электрик», Москва, Российская Федерация

* Копирующийся автор (georgii.martirosyan[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье исследуется, как американский афрофутуризм переосмысливает протестантскую доктрину первородного греха через образы биологической модификации чернокожих героев. На материале романов Р. Соломон и группы «Clipping» «Бездна» (The Deep, 2019) и Н. Дэйвенпорт «Испытания кровью» (The Blood Trials, 2022) анализируется метафора мутации и симбиоза как способ «перезаписи» представления о врожденной греховности тела. Опираясь на герменевтический, богословско-биополитический и постгуманистический подходы, автор показывает, что американская афрофутуристическая литература трансформирует традиционное протестантское понимание «испорченного» тела, приписывая ему теологические смыслы избранности и освобождения. В статье проводится сравнительный анализ указанных романов: выявляются параллели между идеей генетической «порчи» (табуированного или «нечистого» происхождения героев) и теологией божественного избранничества, вводится понятие «афротелосотерики» как литературной категории, отражающей новое, афрофутуристическое осмысление черной телесности. Подчеркивается, что американский афрофутуризм, переосмысляя модель поврежденного грехом тела, содействует формированию альтернативных этико-биополитических сценариев в контексте современной культуры.

Ключевые слова: афрофутуризм, протестантская теология, первородный грех, телесность, постгуманизм.

THE PROTESTANT DOCTRINE OF ORIGINAL SIN AND THE BIOMODIFICATION OF CORPOREALITY IN AMERICAN AFROFUTURISM

Research article

Martirosian G.E.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0000-4469-1980;¹ CHINT Electric, LLC, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (georgii.martirosyan[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines how American Afrofuturism reinterprets the Protestant doctrine of original sin through the images of biological modification of black heroes. On the material of the novels of R. Solomon and the band 'Clipping' 'The Deep' (2019) and N. Davenport's 'The Blood Trials' (2022), the metaphor of mutation and symbiosis is analysed as a way of "rewriting" the notion of the innate sinfulness of the body. Using hermeneutic, theological-biopolitical and posthumanist approaches, the author shows that American Afrofuturist literature transforms the traditional Protestant understanding of the "corrupt" body, attributing to it theological meanings of being chosen and liberated. The paper provides a comparative analysis of these novels: parallels between the idea of genetic 'corruption' (the tabooed or 'unclean' origin of the characters) and the theology of divine election are identified, and the concept of 'Afroteloterism' is introduced as a literary category reflecting a new, Afrofuturist understanding of black corporeality. It is emphasised that American Afrofuturism, by rethinking the model of the sin-damaged body, contributes to the development of alternative ethical and biopolitical scenarios in the context of contemporary culture.

Keywords: afrofuturism, protestant theology, original sin, corporeality, posthumanism.

Введение

Афрофутуризм — это культурный и литературный феномен, в котором технологические и фантастические образы будущего сочетаются с опытом людей африканского происхождения. По меткому определению И. Вомэк, афрофутуризм представляет собой «пересечение воображения, технологии, будущего и освобождения», выступая одновременно и художественной эстетикой, и критической теорией [1, С. 9].

Американские афрофутуристические артефакты, включая музыку, кино и литературу, нередко обращаются к истории насилия над афроамериканцами в США, чтобы посредством воображения «изобразить возможные варианты будущего [афроамериканцев] и вдохновить их на действие в настоящем» [2]. Согласно афрофутуристическим постулатам, это способствует освобождению от травм рабства и институционального расизма. В этом контексте важным объектом переосмысления становится черная телесность, веками стигматизированная американскими рабовладельцами с помощью религии.

Доктрина первородного греха в традиционном протестантизме утверждает поврежденность человеческой природы после грехопадения первых людей. В классическом протестантском понимании каждый рождается грешником, лишенным благодати, и лишь избранные Богом (спасенные) могут быть избавлены от этой порочности. Хотя эта доктрина изначально носила универсалистский характер, в исторической практике США она переплелась с расовыми

теориями и мифами. В рабовладельческой Америке сюжеты Библии нередко использовались для оправдания насилия над невольниками, а теологи-расисты ссылались на «проклятие Хама», утверждая, что его чернокожие потомки наказаны за его грех и потому предназначены быть слугами белых [3, С. 2]. Такая экзегеза доводила идею греховности плоти до абсурда: черная кожа становилась синонимом греха, ее обладатели — носителями проклятия [4]. В противоположность подобному богословию в недрах афроамериканской культуры зародилась «черная теология», провозгласившая святость афроамериканского тела и присутствие Господа на стороне угнетенных» [5, С. 42]. Если для расистской теологии цвет кожи был проклятым знаменем, то для черных теологов-либерационеров она стала знаком избранничества, а страдания вывезенных из Африки рабов уподоблялись страстям Христовым.

Афрофутуристическая литература в США наследует эту линию переосмысления черной телесности. Она переносит богословские вопросы греха, искупления и избранничества в плоскость научной фантастики. Проблема изначальной «порчи» человеческой природы в афрофутуризме преломляется через образы мутаций, киборгизации и гибридности. Потомки поработенных предков — «не-чистые», с точки зрения общества, художественные субъекты — выступают в этих текстах как носители бремени прошлого, аналогичного догмату о грехе Адама. Однако вместо богословского фатализма афрофутуристический нарратив предлагает альтернативные сценарии: преобразование телесности через симбиоз с иной средой или видом, приобретение сверхспособностей, создание новых сообществ. Так, американский афрофутуризм «взрывает и переосмысливает» традиционные протестантские смыслы, порождая, по выражению Р. Снида, «новое пространство для черных размышлений о религии» за пределами традиционной церкви [6, С. 37]. За 30 лет американские афрофутуристы заложили основу того, что далее в статье нами будет называться «афротелосотерикой» — условной литературной теологией, в центре которой находится материальное афроамериканское тело как носитель памяти, греха и святости. Кроме того, под этим термином будут пониматься литературное и философское конструирование спасения через тело, а также художественная процессуальная практика спасения через симбиоз и мутацию черной плоти, столь свойственные корпусу американских афрофутуристических романов.

На наш взгляд, концепция «афротелосотерики» не изолирована от существующих христианских (протестантских) учений, а перекликается с ними — в частности, с черной теологией освобождения и рядом идей афроамериканского пятидесятничества. Так, пастор Африканской методистской епископальной церкви Д.Х. Коун на волне Движения за гражданские права переосмыслил учение о грехе и спасении через призму исторического опыта чернокожих в США. По Коуну, грехом, требующим искупления, является социальная несправедливость (расизм как первородный грех американского общества), а спасение понимается прежде всего как освобождение афроамериканцев от системного угнетения. Африканское пятидесятничество, в свою очередь, акцентирует личное переживание спасения через его зримые проявления, например, чудесные исцеления тел, разрыв с «родовыми» проклятиями, восстановление достоинства и благополучия верующего. По сути, оно расширяет сотериологию до интегрального телесно-духовного измерения. «Афротелосотерика» впитывает все эти импульсы, перенося их в плоскость фантастического нарратива: в американском афрофутуризме освобождение черного тела посредством биомодификации представлено как эсхатологическая цель, достижение которой знаменует окончательное избавление от наследия павшего состояния, воплощенного в образе рабства и расизма.

Следует отметить, что «афротелосотерика» в том или ином виде характеризует афрофутуристический жанр в целом. Во многих афрофутуристических текстах (не только американских, но и, например, канадских и нигерийских) спекулятивно-фантастический дискурс органично соединяется с духовно-мифологическими мотивами освобождения. Преобразование черного тела — сквозная тема жанра, проявляющаяся как в космических утопиях раннего афрофутуризма, где спасение мыслится через галактическую миграцию или кибернетическое бессмертие, так и в афрофутуристических романах, написанных в 2010–2020-х гг., где преимущественно чернокожая героиня наделяется мессианской ролью (Н. Окоратор, Ф.Д. Кларк, А. Эмези, У. Олиаске и др.). Соответственно, «афротелосотерика» выступает органичной частью эстетики афрофутуризма, выражая его стремление к переосмыслению будущего через призму телесного освобождения.

Для конкретизации концепции «афротелосотерики» необходимо учитывать гендерную перспективу. Обе героини анализируемых в данной статье художественных текстов — женщины, и их телесность несет отпечаток травмы не только расовой, но и гендерной, вследствие чего их путь к свободе означает преодоление как наследия расового угнетения, так и патриархальных ограничений, исторически присущих фантастическому жанру. Тем самым черное женское тело, которое ранее было маргинализировано научно-фантастическим дискурсом, выходит на авансцену американского афрофутуристического сюжета, нарушая мужскую доминанту: именно в нем сосредотачивается искупительная, трансформирующая сила, способная обеспечить справедливое будущее.

Цель этой статьи — исследовать указанные художественные процессы на материале двух афрофутуристических романов: «Бездны» (The Deep, 2019) Р. Соломон и группы «Clipping» и «Испытаний кровью» (The Blood Trials, 2022) Н. Дэйвенпорт. В центре этих фантастических миров — чернокожие женщины, которые сталкиваются с наследием исторической травмы и биологически воплощенных стигм. В «Бездне» дети африканок, выброшенных за борт корабля с невольниками, выжили, эволюционировали и основали подводный народ ваджинру, наследующий генетическую память о травме [7]. В «Испытаниях кровью» героиня живет в футуристической милитаристской республике, в которой де-юре провозглашено равноправие, а де-факто процветают расизм и евгеника [8]. Она обладает запретным кровным даром, полученным от маргинализованной группы, и потому, по мнению локального общества, считается «генетически испорченной», что, как будет показано, отсылает к идее врожденного порока. Задача статьи — показать, с помощью каких художественных средств в этих двух романах переписывается традиционная протестантская доктрина первородного греха, а образ «поврежденного» тела трансформируется в образ тела спасенного, что, в свою очередь, решительно меняет статус черной телесности в современном культурном воображении.

Методы и принципы исследования

Для анализа выбранных романов применяется комплекс методов, объединяющий литературоведческий анализ с интерпретациями в русле теологии, философии постгуманизма и биополитики, при этом базовым является герменевтический метод. Поскольку рассматриваемые произведения насыщены мифологическим и религиозным подтекстами, для этой статьи важна и богословская герменевтика. К примеру, образ Историографа, несущего память предков афроамериканцев в «Бездне» Соломон, может быть понят как мессианская или жертвенная фигура, требующая теологического осмысления.

С теоретической точки зрения, для этой статьи важен богословско-биополитический подход. Он опирается на понятие «биополитики» М. Фуко — системы власти, управляющей телесной жизнью людей [9, С. 20]. Биополитический анализ позволяет понять, как в фантастических обществах романов Соломон и Дэйвенпорт контролируются, подавляются и, может быть, напротив, культивируются определенные тела и их свойства. В «Испытаниях кровью» явно прослеживается, как республиканские структуры стремятся обозначить «неправильные» тела угрозой социальному порядку.

Биополитический подход сочетается с теологическим в тех местах статьи, где рассматривается, как традиционная протестантская доктрина греховности (идеологически перегруженный, негативно маркированный телесный дейксис) превращается в инструмент власти над героями романов. В этой работе учитывается, что в обыденном значении биополитика занимается управлением человеческой жизнью [10]. Соответственно, мы проанализируем, каким образом фантастические государства Соломон и Дэйвенпорт маркируют тех или иных героев как «биологически дефектных» и какие обоснования для этого придумываются.

Третий принцип исследования — постгуманистический. Как философия, постгуманизм критикует традиционное понимание человека, исследуя размывание границ между людьми, машинами и животными. В контексте афрофутуристическом эта теория позволяет рассматривать художественные мутации и симбиозы не как фантастические допущения, а как метафоры освобождения от колониального гуманизма Европы, который исторически отрицал полноценность чернокожих людей. По замечанию З. Джексон, культура африканской диаспоры (афроамериканцев) в США разрушает навязанную дихотомию «человек — зверь», предопределяя значение человеческого [11, С. 23]. В нашем случае постгуманистический анализ помогает выяснить, как обретение нечеловеческих черт (жизнь под водой в «Бездне» и магические способности героини «Испытаний кровью») становится способом выхода за пределы угнетенного положения. Этот подход тесно связан с нашим понятием «афротелосотерики»: так как постгуманизм акцентирует материальность и телесность бытия, он предоставляет языковые средства для описания тела как носителя сакрального смысла.

Наконец, в этой работе используется сравнительно-аналитический метод. Оба рассматриваемых романа препарированы с точки зрения сюжета, системы образов и символики. Сравнительный анализ проводится для выявления общих мотивов (память предков, телесная мутация, социальный дарвинизм, бунт) и их вариативных воплощений. При анализе текстов также учитываются внелитературные контексты.

С опорой на обозначенные методологические рамки далее в статье последовательно рассматривается, каким образом в романе «Бездна» реализована метафора симбиоза и мутации для преодоления «первородного» греха порабощения; как в романе «Испытания кровью» обыгрываются темы генетической «порчи» и избранности; какую новую теологическую модель телесности на основе этих нарративов предлагает американская афрофутуристическая литература.

Основные результаты

3.1. Мутация и симбиоз вместо грехопадения в романе «Бездна» Р. Соломон и группы «Clipping»

Роман Р. Соломон и группы «Clipping» «Бездна» переносит нас в фантастическое подводное русалоподобное общество ваджинру — потомков африканских рабынь, выброшенных за борт судна с невольниками во время очередного трансатлантического плавания из Африки в Америку. Исходная установка — гибель беременных женщин и чудесное спасение их детей — явно аллюзирует на первородный грех исторического рабства, тяготеющий над потомками. Соломон опрокидывает эту парадигму: в этом романе дети рабынь не погибли и тем более не остаются навечно проклятыми — они эволюционируют в новый вид и благодаря этому обретают возможность дышать под водой и жить где-то в глубинах Северной Атлантики. То, что в реальном мире было травмой («падением»), превращается в генезис нового народа. Роман буквально обыгрывает библейскую метафору: из бездны страданий рождается утопическое пространство подводной свободы. Потомки утопленниц создали идиллическую цивилизацию — мир, где нет американских пуритан и где можно начать историю заново.

Молодая ваджинру Йету (главная героиня) служит Историографом своего народа. Ее предназначение — хранить в памяти все ужасы прошлого, чтобы остальные подводные жители могли жить без транспоколенческой травмы. Этот образ коллективного носителя греха весьма символичен: Йету добровольно (мучительно) выполняет роль Христа-искупителя, или козла отпущения. Она берет на себя «грех мира» — всю память о боли, которую другие вынести не в силах. Раз в год, во время специального обряда (аналог Рождества), она ненадолго делится воспоминаниями с остальными, после чего снова на год замыкает их в себе. Параллель с христианским таинством такова, что Йету ради благополучия ее сообщества отражает идею заместительной жертвы. Кроме того, — и это идет вразрез с традиционной догмой о наследственном грехе, где вина передается неизбежно каждому потомку, — здесь память о прошлом может быть разделена и облегчена общим усилием. В целом, этот мотив резонирует с афрофутуристической установкой на коллективное исцеление исторической травмы, а не на вечное проклятие. В контексте «афротелосотерики» уместно заявить, что тело и разум Йету становятся *контейнером греха*: ее плоть (мозг) хранит грехи предков, но это хранение носит целительный характер. Ваджинру не отрицают первородный грех (раз в год они могут вспомнить о рабстве предков), но обращают его себе во благо через ритуал.

Особое упоминание необходимо для мотива симбиоза в «Бездне». Ваджинру живут в гармонии с Атлантикой, их культура основана на единении с природной средой. Океан — прародина (мать) для нового народа. Мифологически первые ваджинру появились путем соединения с водной стихией, а далее новорожденным детям рабынь адаптироваться к жизни помогли киты. Выживание поработенных предков достигается не через крещение (баптизацию), а через эволюционный союз с водой, которая буквально превращает «падших» в новые творения. Мы понимаем это как афрофутуристическую аллегорию искупления без Миссии: сама Атлантика предоставляет чернокожим шанс на жизнь. Симбиотическую связь ваджинру с водой — их способность дышать, понимать океанических тварей — можно трактовать как обращение проклятия в дар. То, что должно было стать гибелью (утоплением, которое, впрочем, не считается ни одной протестантской деноминацией греховным), стало источником уникальной идентичности и силы. С богословской точки зрения, тут прослеживается инверсия представления о грехопадении: бездна перестает быть символом смерти и наказания, вместо этого становясь символом перерождения и благодати. В этом контексте можно говорить о формировании в романе особой «афротелосотерики», где океанские глубины смывают память о грехах (но не сами грехи) и дают возможность жить без боли.

В финале романа происходит важный поворот. Изможденная грузом памяти, Йету бежит на поверхность и встречает там женщину (в привычном нам облике) Оори, которая оказывается хранительницей воспоминаний своего, наземного (белого) народа. Через общение с ней Йету осознает, что от прошлого страдают не только ее люди. Она возвращается в глубины Атлантики, чтобы разделить бремя истории со всеми ваджинру. Это решение — *демократизация памяти* — ведет к обновлению сообщества. Отныне каждый понемногу несет свою долю прошлого. В «Бездне» происходит распределенное искупление. Все принимают на себя ответственность за память о грехах, что напоминает коллективную исповедь, соборное таинство.

Таким образом, метафора мутации и симбиоза в романе Р. Соломон и группы «Clipping» служит для переосмысления первородного греха: грех (травма рабства) не просто прощается высшей силой, а трансформируется в основу новой жизни. Потомки рабов не считаются «павшими». Напротив, их приспособленные к воде тела свидетельствуют о преодолении грехопадения и обретении благодати через природу и коллективную память.

3.2. Генетическая «порча» как дар в романе «Испытания кровью» Н. Дэйвенпорт

Если в «Бездне» акцент делается на коллективной памяти и симбиозе с природой, то роман «Испытания кровью» Н. Дэйвенпорт переносит проблему телесной стигмы в плоскость генетической модификации и евгеники. Действие происходит в далеком будущем, в милитаристской республике Марин, где на словах провозглашено равенство, а на деле действует жесткая биополитическая иерархия. Главная героиня Икенна — чернокожая женщина, внучка выдающегося военачальника. После его загадочного убийства она решает найти виновных и для этого отваживается на прохождение смертельно опасных испытаний и вступление в элитную гвардию.

Главное, что отличает Икенну, — это тайна ее происхождения. У нее есть запретный кровный дар, и это — наследие от отца-иностранца, выходца из побежденной Марин империи, которая была известна как центр биомании. Икенна — наполовину кханаи (в дискурсе маринян — человек «неправильной крови»). Поэтому, хотя она и официально является гражданкой страны, многие относятся к ней с презрением. Во время испытаний она сталкивается с травлей и расистскими оскорблениями, апеллирующими к ее «испорченной» родословной. Ситуация усугубляется тем, что сама природа ее скрытого дара порочна в глазах государства: магия крови объявлена ересью и законодательно запрещена. Икенна с детства обучена скрывать свои способности, ведь иначе — казнь. Из всего этого следует, что в ее образе конденсируются сразу две метки «первородного греха»: грех крови («нежелательное» генетическое наследие) и грех колдовства (сверхспособность, рассматриваемая как проклятие). С точки зрения государственной идеологии, ее тело несет печать порчи.

Дэйвенпорт подробно показывает, как биополитическая система Республики Марин эксплуатирует идею изначальной греховности одних (черных) тел и превосходства других (белых). Правящая элита, так называемые «верхние дома», гордится своей «чистой» родословной, тогда как потомки кханаи и иных групп подвергаются дискриминации. По факту, это государство придерживается секретной теологии, веря, что есть народ, избранный Богом, и «низшие» племена — все остальные. Совершенно очевидно, что это — параллель с пуританским сознанием американских колонистов, считавших себя новым Израилем, а африканских невольников — заклейменными Богом. Икенна же, обладая кровью и силой «чужаков», попадает в положение метиса, изгоя, которого невозможно до конца ассимилировать. Ее история — борьба против теологии исключения, которую исповедует ее государство.

Этот афрофутуристический сюжет, как и в «Бездне», оборачивает греховное в святое. По мере прохождения смертельных испытаний Икенне становится ясно, что именно ее «проклятый» кровный дар дает ей преимущество. Она выносливее других, обладает ускоренной регенерацией и развитой, благодаря скрытым колдовским умениям, интуицией. Считавшееся слабостью и позором оказывается силой. Ранее дед убедил ее не пользоваться даром из страха перед казнью, но в самые критические моменты Икенна черпает из своей крови мощь. В этом — магистральная метафора романа: мутация (крови) — это не деградация, а путь к преображению. В кульминации первого романа («Испытания кровью» представляют собой дилогию, но мы, пожалуй, остановимся только на первой части) Икенна раскрывает заговор властей и принимает свой дар открыто, за чем немедленно следует изгнание. Мы читаем это как богословский протест. Героиня отвергает навязанную ей доктрину греховности плоти и провозглашает спасение не по критериям государства, а по праву внутренней силы.

Немудрено, что образ Икенны находится в диалоге с библейскими фигурами. В ней прослеживаются черты Самсона (ее сила не в волосах, а в крови, но мариняне, как и филистимляне, не должны о ней узнать), а также Моисея, выросшего при египетском дворе, но несущего кровь евреев, которых он в итоге освобождает. Она — невольная мессия кханаи: обладательница их крови, в решающий момент она мстит властям страны. Так, то, что государство считало ее наследственным грехом, трансформируется в знак божественного. Доктрина первородного греха переосмысливается через комиксовый троп «особого происхождения». Американский афрофутуризм часто им

пользуется и сопровождает его социально-критическим содержанием: «особость» связывается не с абстрактным пророчеством, а конкретной исторической стигмой, которая связана с чернокожестью и, словно в пику кальвинистам, признается ценностью.

В отличие от «Бездны», в мире «Испытаний кровью» большая роль отводится биотехнологиям. Мариняне активно занимаются исследованиями, пытаются воспроизвести или нейтрализовать магию крови научными методами. Как в нашем мире ведутся споры об «улучшении» человеческой природы, так и в романе Дэйвенпорт фигурируют попытки «очищения» населения от нежелательных генетических «отклонений». В какой-то момент выясняется, что правительство Марин и вовсе ставило опыты на детях с кровным даром, стремясь, с одной стороны, извлечь научную выгоду, а с другой — уничтожить эту популяцию. Биополитический регулятор в этой стране решает, кому жить, а кому — умереть на основании генетического кода, что перекликается с реальными историческими практиками евгенического законодательства и принудительной стерилизации «неполноценных» групп, которые во многом опирались на представление о передаваемой «греховности» («дефектности») по наследству. Афрофутуристическая традиция, обнажая такие параллели, критикует сами основания столь вопиющего презрения к человеку.

Икена, пережив ужасы смертельных испытаний, к финалу достигает не только личной цели (месть за убитого деда, который отдал всю жизнь армии Марин), но и принятия собственной миссии — разрушить ложную теологию, по которой ее народ признан проклятым. Она — носительница «афротелосотерики» в буквальном смысле: истина о несправедливости мира написана у нее в крови. Само ее тело — арена борьбы греха и благодати, презрения и славы. Можно сказать, что плоть Икены читается так же, как богословы читают Писание, извлекая из него смыслы о природе греха и искупления. Героиня переживает символическую смерть и символическое воскресение, пройдя через смертельные испытания — черту, за которую большинство мариняне не выходит, и это придает ее фигуре пророческие черты. Однако важное отличие этой афрофутуристической помазанницы в том, что ее мессианство — технобиологическое, а не духовное. Спасение приходит не свыше, а из недр тела, пусть и модифицированного. Такова суть предлагаемых американским афрофутуризмом смыслов: плоть, поврежденная пытками угнетателей, содержит ключ к освобождению, становясь священной. Это бросает вызов тем ветвям протестантской мысли, которые стремились обесценить тело как тленное ради спасения души. Здесь спасение достигается через кровь и память.

Обсуждение

На основе анализа двух романов можно сформулировать понятие «афротелосотерики» как особой литературной категории афрофутуризма. Под этим понимается совокупность мотивов и идей, где черное тело выступает не пассивным носителем греха (исторической травмы, расовой стигмы), а активным источником сакрального смысла и агентом изменения. И в «Бездне», и в «Испытаниях крови» мы видим, как телесные характеристики героев — будь то способность подводного дыхания или магическая кровь — приобретают теологический статус, становясь маркерами избранности, носителями памяти, орудием спасительного возмездия. Конечно, эти повествования метафоричны, но они прозрачно указывают на реальные проблемные поля.

Во-первых, оба романа (и многие другие афрофутуристические романы) устанавливают параллель между генетической «порчей» (отклонением) и теологией избранничества. В нашем случае обе героини происходят из групп, считавшихся «проклятыми»: потомков рабов, утопленных в океане, и потомков «ведьмовского» рода. Но именно это наделяет их уникальной ролью спасителей памяти или разрушителей угнетающей системы: «Камень, который отвергли строители, стал главой угла» (Пс. 117:22). Ранее маргинализованная плоть становится фундаментом нового мира. Такое смещение перспективы характерно для афрофутуризма, в художественных мирах которого Бог стоит на стороне поработанных, и афрофутуристическая литература экстраполирует эту идею: сила будущего чернокожих рождается из того, что считалось их слабостью в прошлом. Другими словами, мутант оказывается следующей ступенью эволюции, а не выродком.

Во-вторых, и «Бездна», и «Испытания кровью» демонстрируют, что телесные мутации могут выполнять роль искупления. В христианской традиции поврежденное грехом тело полагается или исцелить чудом, или отвергнуть через аскезу, упование на воскресение. В афрофутуризме же такое тело исцеляет себя само. Потомки рабов в океане эволюционируют в новых существ, как бы сбрасывая ветхую природу. Икенна, освоив дар, фактически перестает быть человеком нормального типа и приобретает гуманоидные черты. Эти превращения можно понимать как постгуманистическую версию спасения — не выход души из тела, а выход тела за пределы ограничений. Как заметил А. Мбембе, технологии и научный прогресс стирают прежние границы, «черное становится всеобщим», бросая вызов старым расовым категориям [12, С. 58]. В наших текстах новые формы жизни — русалоподобные ваджинру и кханаи-колдуны — воплощают надежду на преодоление и расизма, и самого понятия греховного, «испорченного» тела — связи, на основании которой пуритане оправдывали порабощение похищенных из Африки людей.

Наконец, образующим элементом «афротелосотерики» выступает память, воплощенная в теле. Для афрофутуризма память предков — не абстрактное духовное наследие, а физически ощущаемый груз. Йету чувствует боль предков как личную, Икенна носит в крови силу и ярость рода. Это соответствует афроамериканской концепции коллективной памяти, передаваемой через поколения не только в культурном, но и едва ли не в телесном планах. Такая память может быть понята и в богословских терминах — как своего рода первородный грех, переходящий от предка к потомкам. Однако в рассмотренных романах память-травма трансформируется в память-силу. Афроамериканцы, бичом которых стали рабство и расизм, превращаются в носителей «удивительно раненых тел» (термин теолога Б. Брока), чьи шрамы несут благодать освобождения [13, С. 32]. Иными словами, травма сакрализуется, становится источником новой этики и идентичности.

Таким образом, американский афрофутуризм предлагает своеобразную ревизию традиционной протестантской парадигмы — пуританского мировоззрения, которое породило институт рабства в США. Если в традиционной протестантской теологии человеческая плоть считается падшей и требует искупления извне, то в «афротелосотерике» искупление вырастает из самого тела — и чем сильнее физически оно повреждено, тем быстрее это происходит. Мы

подчеркиваем, что это не означает буквальной христианской и какой-либо еще доктрины. Это — метафора для осмысления современного опыта чернокожих людей. Грех предков (рабство) продолжает сказываться на телах их потомков, но афрофутуризм показывает, что именно это и становится ареной преодоления исторических несправедливостей.

Заключение

Можно сделать вывод, что афрофутуризм трансформирует традиционалистскую протестантскую модель «поврежденного грехом тела» в модель преобразованного тела, несущего надежду. Вместо наследия вечной вины — наследие памяти и стойкости, вместо проклятия — дарованная мутация. Возможно, такие художественные метаморфозы имеют ряд биополитических и культурных следствий.

Во-первых, они вступают в полемику с биоэтикой, которая стремится «нормализовать» или «улучшить» человеческое тело, иногда скрывая предвзятость. Исторически под видом заботы о «чистоте нации» оправдывались расистские практики (что и отражено в романе Н. Дэйвенпорт). Афрофутуризм, напротив, провозглашает ценность черного разнообразия: тела с «ненормативными» чертами не подлежат исправлению — они обладают собственной значимостью. Более того, именно такие тела могут оказаться ключом к выживанию всего художественного мира, как в «Бездне», где память о катастрофическом прошлом хранится у «ненормальной» ваджинру. В контексте биоэтики это усиливает голос против тех практик, что пытаются стереть отличия («нежелательные» гены). Этический посыл афрофутуризма — уважать телесную инаковость и признавать в ней потенциал, чтобы не повторять ошибок истории.

Во-вторых, переосмысление доктрины первородного греха в афрофутуристических романах несет переосмысление черной идентичности. Если грех неотделим от плоти, как верили пуритане, то здесь освобождение становится телесным. Афрофутуризм избрал путь реинкарнации памяти и духа в теле: через художественное воображение — категорию, фундаментальную для афрофутуризма в США и других странах, включая африканские, — черное тело наделяется глубинными смысловыми измерениями, что может формировать более цельное, уважительное отношение к телесной инаковости вообще.

В-третьих, афрофутуристическое переосмысление первородного греха в каком-то смысле делает шаг к универсализации опыта падения и искупления. Афрофутуризм рисует образы будущего, где бывшие «проклятые» ведут за собой остальных. Подобная инверсия свидетельствует об этическом повороте: признании, что спасение не может быть эгоистичным. В «Бездне» Йету решает поделиться памятью со всеми, в «Испытаниях крови» Икенна отстаивает и себя (мстит за деда), и весь свой этнос (это освобождение происходит в русле вуманизма, однако проблема женского субъекта в американском афрофутуризме не является темой этой статьи). Тем самым американский афрофутуризм артикулирует важный для биоэтики принцип солидарности: перед лицом угрозы спасение — в единстве и учете опыта наиболее пострадавших как ключевого для всеобщего выживания.

Безусловно, афрофутуризм выполняет двойную работу: деконструктивную — разоблачая расистские и исторически оправдываемые религией мифы о «поврежденности» черного тела, и креативную — предлагая новый взгляд на возможности, скрытые в этом теле. Традиционная протестантская модель первородного греха, сопряженная с идеей телесной ущербности, в американском афрофутуризме уступает место модели, где плоть обретает благодать через память и модификацию. Для читателей и исследователей это открывает пространство диалога между религией, наукой и искусством о том, как мы понимаем человеческое тело, наследие прошлого и пути к будущему, которое может быть справедливым для всех.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Моргун Е.А., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург
Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.67.4.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Morgun E.A., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.67.4.1>

Список литературы / References

1. Womack Y. *Afrofuturism: The World of Sci-Fi & Fantasy Culture* / Y. Womack. — Chicago : Lawrence Hills Books, 2013. — 224 p.
2. Hill-Jarrett T.G. *The Black Radical Imagination: A Space of Hope & Possible Futures* / T.G. Hill-Jarrett // *Frontiers in Neurology*. — 2023. — Vol. 14. — P. 1–11. — DOI: [10.3389/fneur.2023.1241922](https://doi.org/10.3389/fneur.2023.1241922).
3. Choudhury A. Religion and Critical Dystopia: Afrofuturism in Octavia E. Butler's *Parable of the Sower* / A. Choudhury, S. Mukherjee // *IIS University J.A.* — 2023. — Vol. 12 (3&4). — P. 1–14. — URL: https://iisjoa.org/sites/default/files/iisjoa/October_November_2023/1st%20Paper.pdf (accessed: 08.05.25).
4. Calhoun-Brown A. God & Government in the Ghetto: The Politics of Church-State Collaboration in *Black America* by Michael Leo Owens / A. Calhoun-Brown // University of Chicago Press. — 2007. — № 12. — 310 p. — URL: <https://clck.ru/3N2TUU> (accessed: 08.05.25).
5. Reddie A.G. From Black Theology to Black Lives Matter and Back Again / A.G. Reddie // *Studies in Christian Ethics*. — 2023. — Vol. 37. — № 1. — P. 39–48. — DOI: [10.1177/09539468231213561](https://doi.org/10.1177/09539468231213561).

6. Sneed R.A. *The Dreamer and The Dream: Afrofuturism and Black Religious Thought* / R.A. Sneed. — Columbus : The Ohio State University Press, 2021. — 196 p.
7. Solomon R. *The Deep* / R. Solomon, D. Diggs, W. Hutson [et al.]. — New York City : S&S/Saga Press, 2019. — 176 p.
8. Davenport N.E. *The Blood Trials (The Blood Gift Duology, 1)* / N.E. Davenport. — New York City : Harper Voyager, 2022. — 464 p.
9. Волокитина Л.М. Концепция «биополитики» Мишеля Фуко в контексте событий пандемии COVID-19: теоретико-правовой аспект / Л.М. Волокитина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 2 (98). — С. 19–25. — URL: <https://vestnikspbmvd.ru/ru/storage/viewWindow/123282> (дата обращения: 08.05.25). — DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-19-25
10. Григоренко А. Мое тело – мое дело? Биополитика в эпоху глобальных вызовов / А. Григоренко // Новый оборонный заказ. Стратегии. — 2024. — № 6 (89). — URL: <https://dfnc.ru/sci/moe-telo-moe-delo-biopolitika-v-epohu-globalnyh-vyzovov/> (дата обращения: 08.05.25).
11. Jackson Z.I. *Becoming Human: Matter & Meaning in an Antiracist World* / Z.I. Jackson. — New York City : New York University Press, 2020. — 320 p.
12. Mbembe A. *Necropolitics* / A. Mbembe. — Durham : Duke University Press Books, 2019. — 224 p.
13. Brock B. *Wondrously Wounded: Theology, Disability, and the Body of Christ* / B. Brock. — Waco : Baylor University Press, 2019. — 392 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Womack Y. *Afrofuturism: The World of Sci-Fi & Fantasy Culture* / Y. Womack. — Chicago : Lawrence Hills Books, 2013. — 224 p.
2. Hill-Jarrett T.G. *The Black Radical Imagination: A Space of Hope & Possible Futures* / T.G. Hill-Jarrett // *Frontiers in Neurology*. — 2023. — Vol. 14. — P. 1–11. — DOI: 10.3389/fneur.2023.1241922.
3. Choudhury A. Religion and Critical Dystopia: Afrofuturism in Octavia E. Butler's *Parable of the Sower* / A. Choudhury, S. Mukherjee // IIS University J.A. — 2023. — Vol. 12 (3&4). — P. 1–14. — URL: https://iisjoa.org/sites/default/files/iisjoa/October_November_2023/1st%20Paper.pdf (accessed: 08.05.25).
4. Calhoun-Brown A. *God & Government in the Ghetto: The Politics of Church-State Collaboration in Black America* by Michael Leo Owens / A. Calhoun-Brown // University of Chicago Press. — 2007. — № 12. — 310 p. — URL: <https://clck.ru/3N2TUU> (accessed: 08.05.25).
5. Reddie A.G. From Black Theology to Black Lives Matter and Back Again / A.G. Reddie // *Studies in Christian Ethics*. — 2023. — Vol. 37. — № 1. — P. 39–48. — DOI: 10.1177/09539468231213561.
6. Sneed R.A. *The Dreamer and The Dream: Afrofuturism and Black Religious Thought* / R.A. Sneed. — Columbus : The Ohio State University Press, 2021. — 196 p.
7. Solomon R. *The Deep* / R. Solomon, D. Diggs, W. Hutson [et al.]. — New York City : S&S/Saga Press, 2019. — 176 p.
8. Davenport N.E. *The Blood Trials (The Blood Gift Duology, 1)* / N.E. Davenport. — New York City : Harper Voyager, 2022. — 464 p.
9. Volokitina L.M. Kontseptsiya "biopolitiki" Mishelya Fuko v kontekste sobitii pandemii COVID-19: teoretiko-pravovoi aspekt [Michel Foucault's Concept of "Biopolitics" in the Context of the Events of the COVID-19 Pandemic: Theoretical and Legal Aspects] / L.M. Volokitina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2023. — № 2 (98). — P. 19–25. — URL: <https://vestnikspbmvd.ru/ru/storage/viewWindow/123282> (accessed: 08.05.25). — DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-19-25 [in Russian]
10. Grigorenko A. Moe telo – moe delo? Biopolitika v epokhu globalnykh vizovov [My Body, My Rules? Biopolitics in the Global Challenges Era] / A. Grigorenko // Novii oboronnii zakaz. Strategii [New Defense Order. Strategies]. — 2024. — № 6 (89). — URL: <https://dfnc.ru/sci/moe-telo-moe-delo-biopolitika-v-epohu-globalnyh-vyzovov/> (accessed: 08.05.25). [in Russian]
11. Jackson Z.I. *Becoming Human: Matter & Meaning in an Antiracist World* / Z.I. Jackson. — New York City : New York University Press, 2020. — 320 p.
12. Mbembe A. *Necropolitics* / A. Mbembe. — Durham : Duke University Press Books, 2019. — 224 p.
13. Brock B. *Wondrously Wounded: Theology, Disability, and the Body of Christ* / B. Brock. — Waco : Baylor University Press, 2019. — 392 p.